

ЕВРОПА

ЖУРНАЛ
ПОЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ДЕЛ

ТОМ 2
№ 1 (2) 2002

Рышард Стемпловски
Главный редактор

Славомир Дембски
Заместитель главного редактора
europa@pism.pl

Иоанна Ходор
Мацей Кшиштофович
Анджей де Лазари
Редакторы-консультанты

Агнешка Гурын
Секретарь

Дорота Долэнговска
Технический редактор

Михаил Гульчин
Ванда Радолинска
Литературные редакторы

ПОЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДЕЛ

ul. Warecka 1a, 00-950 Warszawa,
tel. (+4822) 556 8000, fax 556 8099

Biuro Informacji Publicznej

Содержание

Лорд Робертсон НАТО и Россия	7
Фото: Президент Путин читает первый номер «Европы»	27
Вагиф Гусейнов О некоторых тенденциях в развитии общеевропейской безопасности и сотрудничества	29
Ханс-Хейнрих Нольте Европейский Союз и его место в современной мировой системе (world-system)	49
Роберт А. Денемарк Терроризм в мировой системе (world system): гипотезы о центре и периферии	99
Эверт ван дер Цверде Европа – христианская сверхнация в объединяющемся мире?	129
Марэк Стычиньски Америка и Россия: общие корни философии (американская попытка сопоставления)	153
Валерий И. Мильдон Достоевский о Европе	171
Владимир Кантор Поможет ли нам Запад?	189
Я. Окунь, В. Судак Ситуация в Беларуси	203
Ежи В. Борейша К истории польского вопроса в XIX - XX вв.	215
РЕЦЕНЗИИ	
Рышард Стемпловски, Ирена Стемпловска „Polin”	233

Валерий Ю. Гессен А. И. Солженицын. <i>Двести лет вместе (1795-1995).</i> Часть I. <i>В дореволюционной России.</i> Москва: Русский путь, 2001 г.	258
Ежи Томашевски А. И. Солженицын. <i>Двести лет вместе (1795-1995).</i> Часть I. <i>В дореволюционной России.</i> Москва: Русский путь, 2001 г.	268
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	279
ОБ АВТОРАХ	281

РЕЦЕНЗИИ

„Polin“

В обществе широко обсуждается роль поляков в уничтожении евреев местечка Едвабнэ. Убийцами были немногие, это правда, и это они виновны, но за эту трагедию должно быть стыдно нам всем. Стыдно, однако надо что-то делать. Ибо пока придет время, когда потомки начнут смотреть на современные конфликты и этнические предрассудки так, как мы расцениваем сейчас племенные распри эпохи позднего неолита, надо пересмотреть наше собственное отношение к людям другой культуры, национальности, религии.

Необходимо узнать нашу общую историю – историю поляков, евреев, всех наций, живущих в исторических границах польского государства. В конце XVIII в. на этой территории проживало, по разным подсчетам, от половины до трех четвертей всех евреев земного шара, а после Первой мировой войны возрожденная Польша была, правда, вторым по величине средоточием евреев в мире, но ведь и большинство евреев-жителей США, где их численность была гораздо значительнее, происходило из Восточной Европы. И вот перед нами издательская серия „Polin“, ежегодник, целью которого является публикация исследований, посвященных истории польских евреев и, таким образом, польско-еврейским отношениям.

Авторитетную оценку ежегоднику могут дать специалисты („Polin“ доступен во всех главных польских библиотеках), но значение данной проблематики требует того, чтобы к нему обращались и дилетанты.

Среди евреев хватает людей, с предубеждением относящихся к полякам. Такая позиция встречается и среди немцев, русских и украинцев. Однако нас должна заботить наша

собственная позиция, позиция поляков. Этноцентрический, а иногда даже расистский элемент общественного сознания существует во всем мире и в обозримом будущем вполне не исчезнет, но нужно работать над его ограничением. Конечно, Польша не обладает мировой монополией на антисемитизм, но его уровень у нас по-прежнему гротескно высок! Главную причину слишком медленных изменений к лучшему следует усматривать в нашей польской пассивности. Легко хвастать реальным героизмом поляков, спасавших евреев во время войны, труднее сосредоточиться на вытеснении из сознания не менее реального и по-прежнему существующего негативного отношения к евреям.

Национальное самосознание без субъективной основы не существует, это бесспорно, но там, где господствует субъективизм, порой появляется и экстремизм, это столь же бесспорно. Следовательно, необходимо заботиться о том, чтобы экстремисты – польские, еврейские или израильские – не завладели общественной коммуникацией. Нужно больше рационализма, необходимо исследовать отношения между поляками и евреями и извлекать из этого нравственные уроки. „Polin“ помогает полякам и евреям пережить их общую историю и готовит людей к достойному сосуществованию.

Мысль о создании такого ежегодника возникла в зарубежной еврейской среде. В качестве названия предлагалось «Галь-Эд» – так именовался описанный в Книге Бытия каменный памятный знак, являвшийся свидетельством окончания спора Якова с Лаваном, но оказалось, что так уже был назван в Израиле журнал, посвященный польским евреям. Остановились на слове «Polin», древнем названии предназначенного для выходцев из Иудеи места пребывания, безопасного ночлега, поселения, мирной жизни, ассоциирующемся в предании с собственным именем «Полин», т. е. Польша. И первое, и второе название сразу указывают на позицию по отношению к Польше. Она нашла свое отражение в реализации намерений инициаторов. Англоязычное «Polin» получило признание в международном академическом мире, в еврейских кругах, а теперь расширяет польскоязычным томом свое присутствие в Польше, выходя за пределы университетских центров¹.

* * *

Томы 1-5 издал Бэйсил Блэкуэлл в Оксфорде, 6 и 7 – издательство „Blackwell Publishers“. Начиная с 8 тома, серию издает лондонская „The Littman Library of Jewish Civilization“. Добрым гением всего предприятия является Коллет Литтман². Серия посвящена основателю библиотеки – Луису Литтману. Литтманы финансируют «Polin», но нет недостатка и в спонсорах, вкладывающих дополнительные средства в отдельные тома (это находит свое отражение в специальных посвящениях ежегодника).

Вначале этот ежегодник редактировал в одиночку Энтони Полонски, в прошлом профессор Лондонской школы экономических и политических наук, а с 1993 года профессор Брэндианского университета (США). Начиная с 7 тома, „Polin“ редактируется в Брэндианском университете, а с 8 тома его соредакторами являются профессор Израиль Бартадь (Еврейский Иерусалимский университет) и профессор Ежи Томашевски (Варшавский университет); группа редакторов, готовивших тома 8 и 9, включила в свой состав также профессора Магдалену Опальски (канадский «Карлтон энд Йорк Юниверсити»), с 12 тома группу редакторов дополнили профессор Моника Адамчик-Гарбовска (Университет им. М. Кюри-Склодовской в Люблине) и профессор Мартин Штейнлауф (пенсильванский Гратц-колледж, США). Увеличение группы редакторов связано в значительной степени с принятым, начиная с 8 тома, профилированием отдельных томов. К изданию некоторых томов привлекаются еще и специальные редакторы. Кроме того, существуют Редакционная коллегия и Совет редакции, в количестве около 60 человек. И кого там только нет! В Совете редакции заседают ученые и публицисты из Англии (7), Франции (1), Канады (1), Израиля (10), Германии (2), США (20), Польши (20). Владыслав Т. Бартошевски, Ежи Геровски, Ежи Клочовски, Хэнрык

¹ В 1998 г. Республика Польша высоко оценила значение „Polin“. Энтони Полонски (главный редактор) получил Золотой Орден Заслуги РП, а Конни Уэббер (редактор издательства, публикующего ежегодник) – Серебряный Орден Заслуги РП. Первая международная конференция, посвященная «Polin», была организована в Посольстве РП в Лондоне (1998). Польский институт международных дел готовит семинар, посвященный проблематике, затрагиваемой в „Polin“.

² Г-жа Коллет Литтман сказала нам, что она происходит из евреев-сефардов. Польши не знает. Литтманы являются крупными производителями сыров в Объединенном королевстве Великобритании и Северной Ирландии.

Самсонович входят в Редакционную коллегию; в Совет редакции включены Владыслав Бартошевски, Ян Блоньски, Анджей Хойновски, Тадеуш Хпановски, Чеслав Хернас, Маурыци Хорн, Ежи Едлицки, Станислав Литак, Шимон Рудницки, Ежи Возьняковски. Ранее в него входили также Александер Гейштор, Ян Карски, Стефан Кеневич, Ежи Турович. Почетное руководство осуществляет Чеслав Милош.

„Polin“ начал выходить как периодическое издание, посвященное польско-еврейским исследованиям (Polish-Jewish Studies). С 8 тома (1993) он определяется как сборник исследований польского еврейства (Studies in Polish Jewry), и этот подзаголовок лучше всего передает содержание серии.

Том 1 появился в 1986 году, том 13 – в 2000-м. Издан один том – антология текстов „Polin“ (1993), а также обширный «Указатель» (отдельный том) к первым двенадцати томам, содержащий, в частности, оглавления этих томов и сведения об авторах.

Тематическое профилирование состояло первоначально в отношении частей каждого тома к одной теме (напр., т. 4 посвящен стереотипам; ред. тома В. Т. Бартошевски), затем – в издании монотематических томов: т. 6 – Евреи в Лодзи; т. 7 – Жизнь в оккупированной Варшаве; т. 8 – Евреи в независимой Польше 1918–1939 гг. (ред. тома – Полонски, Эзра Мендельсон, Томашевски); т. 9 – Евреи, поляки, социалисты: поражение одного идеала (ред. тома – Полонски, Барталь, Гершон Хундерт, Опальски, Томашевски); т. 10 – Евреи в Польше раннего новейшего периода (ред. тома Хундерт). Впоследствии редакторы использовали метод ведущей темы: т. 11 – Религиозные аспекты и опыт (ред. Полонски); т. 12 – Галиция: евреи, поляки и украинцы в 1771–1918 гг. (ред. тома – Барталь, Полонски); т. 13 – Холокост и его последствия (ред. тома Полонски).

Объем томов колеблется от 339 до 498 страниц. Привлекательность серии усиливает очень высокое качество бумаги и печати. Размер тома типичен для западных издателей: 24x16 см. Обложка первых томов твердая, снабжена суперобложкой, начиная с т. 10, также мягкая с рисунком на первой странице. В т. 8 и следующих примечания печатаются внизу страницы. В семи томах содержатся фотографии.

Принятая редакцией структура подвергается изменениям от тома к тому. Постоянными элементами (вместе с названиями жанров) являются лишь (а) редакционные вступления,

все более интересно построенные, (б) заметка о происхождении названия „Polin“ (опущенная в т. 8), (в) сведения об авторах (за исключением некоторых) и (г) обзоры книг, определяемые по-разному: то как рецензии, то как заметки рецензента или библиографические эссе. Книжные обзоры занимают в среднем 17 % общего объема тома. В ежегоднике мы, кроме того, находим следующие жанры: статья (чаще всего), диалог, интервью, конференционный доклад, комментарий, заметки, документ, обмен мнениями, некролог, словарик терминов, содержащихся в томе, указатель условных сокращений, сведения об авторе перевода, указатель, библиография, новый взгляд, переписка, дискуссия, отчет, текст, посвященный текущему событию. В отдельных томах содержатся разнообразные комбинации названных элементов формальной структуры. Обращает на себя внимание название раздела «Новые взгляды» (New Views) – вещь, рискованная для каждого редактора научного издания, которая может демонстрировать нейтральную позицию со стороны редакции, а возможно, и толкать к рассмотрению проблематики, мало или вообще не поднимаемой в нем, но наверняка означающая еще кое-что иное, если в этом разделе содержится перепечатка фрагмента статьи 1936 года.

Реальная структура может быть представлена следующим образом: (I) Материалы, написанные для „Polin“, – научные статьи (оригинальные тексты, доклады на конференциях, новые версии ранее опубликованных в других журналах научных статей, изложение содержания книг и вступления к ним), публицистические статьи; рецензии, рецензионные эссе, первоисточники (воспоминания, документы, фотографии), полемика, отчеты (о конференции, путешествии), некрологи, сведения об авторах, информация об авторах переводов, библиографии, указатели, словарики и т. п. (II) Перепечатки (преимущественно переводы статей и первоисточников).

Отдельным критерием реконструкции реальной структуры такого рода журнала является периодизация. Количественное распределение статей между различными периодами выглядит приблизительно так: 29 относится к периоду, заканчивающемуся 1795 г., 79 касается 1795-1918 гг., 79 – 1918-1939 гг., 65 – 1939-1945 гг., и 38 охватывает 1945-1999 гг. Остальные статьи (29) описывают более одного из названных периодов, относясь преимущественно к XX веку.

На страницах „Polin” отрецензированы 319 книг, из которых 113 издано в США, 66 в Польше, 10 по-польски за границей, 20 в Израиле. Некоторые работы обсуждаются спустя много лет после их публикации. Двенадцать лет ждали рецензии эссе Иштвана Бибо, изданные в Будапеште в 1986 г.³, в рецензионных заметках появляются работы еще более ранние, но это неизбежно в случае анализа проблематики — например, Томашевски печатает в 1998 г. критическую статью, посвященную восприятию истории Польши в научно-популярных очерках еврейской истории, опубликованных в 1958-1980 гг.⁴, но рецензия на том материалов конференции „Deutsche Polen Juden” 1987 г. появилась уже на следующий год после их публикации. Удивляет отсутствие рецензий на некоторые книги⁵. Представляется, однако, что известная проблема редактора, наверное, каждого периодического издания — поиск рецензентов, обеспечивающих быстрое поступление материалов, — в случае „Polin” (за исключением т. 3) является гораздо большей, чем следовало бы ожидать, учитывая его миссию. Несмотря на недоработки и опоздания, рецензионный раздел ежегодника дает, особенно в обзорных рецензиях, удивительно интересные материалы. В нем нет недостатка в текстах, относящихся к широчайшему культурному контексту (Европы), являющихся синтезом философии и поэзии, взять хотя бы, к примеру, рецензию на книгу, посвященную творчеству Милоша.

В 1993 г. вместо регулярного ежегодника издан специальный том, «От штетл до социализма»⁶, содержащий 28 публикаций из первых семи томов „Polin”, главным образом из 1 и 4. Том охватывает период с начала предашкеназийских поселений⁷ до эпохи «Солидарности» и военного положения⁸. В ру-

³ R. Braun, *History, Experience, and Democracy. Istvan Bibo Revisited: The Jewish Question after 1944 – Fifty Years Later*, t. 11, s. 281-295.

⁴ J. Tomaszewski, *Polish History Through the Eyes of Three Jewish Popular Historians*, t. 11, s. 312-18.

⁵ Например, G. Sereny, *Into that Darkness. From Mercy Killing to Mass Murder*, 1974, в частности, очень обширный, единственный отчет о беседах с комендантом Трешлинка; M. Fuks, *Prasa żydowska w Warszawie 1823-1939*, 1979; A. Leszczyński, *Żydzi Ziemi Bielskiej*, 1980; очерки A. Eisenbach, *Z dziejów ludności żydowskiej w Polsce w XVIII i XIX wieku*, 1983, сборника статей *Żydzi w Małopolsce*, под ред. F. Kiryk, 1991 г., Południowo-Wschodni Instytut Naukowy w Przemyślu; E. Hoffman, *Exit into History*, 1993; репортаж о путешествии по Восточной Европе начала девяностых годов; *Lost in translation* 1989, автобиография писательницы-эмигрантки; *Shtetl*, 1997, в частности, полемика в

сле позиции „Polin“, в том числе в репрезентативном и репрезентирующем выборе статей, Блоньски выступает именно со статьей «Существует ли еврейская школа в польской литературе»?⁹, а не «Бедные поляки смотрят на гетто»¹⁰.

„Polin“ опубликовал тексты 188 авторов. Более одной трети этой группы – это авторы, работающие в Польше, а среди них историки Юзеф Бушко, Алина Цала, Артур Эйзенбах (ум. 1992), Юзеф Гродзиски, Ежи Хользер, Мечислав Инглот, Кароль Йоньца, Стефан Кеневич (ум. 1992), Ежи Ключовски, Анна Ландау-Чайка, Збигнев Ландау, Анджей Пачковски, Шимон Рудницки, Дариуш Столя, Януш Тазбир, Ежи Томашевски, Роман Вапийнски, Петр Врубель.

* * *

„Polin“ имеет важное значение для историка, даже если он не занимается «еврейской» темой. Ландау озаглавил свое эссе «Еврейские ремесленники»¹¹, но чтение его обязательно для каждого, кто хочет понять экономическую и социальную историю периферийной страны в Европе первой половины XX в. Росман пишет о еврейском чувстве неуверенности и беспомощности в Польше XVI-XVIII вв.¹², а ведь это как нельзя более современно сформулированная проблема, общая для людей на многих континентах, даже если бы читатель искал,

связи с историей польско-еврейских отношений в Браньске; Т. Richmond, *Konin*, 1995, единственная монография, посвященная судьбе конинских евреев; J. Webber, *Jewish Identities in the New Europe*, 1994, попытка нащупать связь между трансформацией государственного устройства и интерпретацией восточноевропейской истории евреев; нет также, насколько мы смогли сориентироваться, рецензий на работы, крайне критически оцененные в других периодических изданиях, что связано, вероятно, с умеренной позицией редакции.

⁶ *From Shtetl to Socialism*, s. 516.

⁷ P. Wexler, "The Reconstruction of Pre-Ashkenazic Jewish Settlements in the Slavic Lands in the Light of Linguistic Sources", в: *From Shtetl to Socialism: Studies from Polin*, 1993, s. 3-18. См.: „Polin“, t. 1, s. 3-18.

⁸ K. Kersten, J. Szapiro, *The Contexts of the So-Called Jewish Question in Poland after World War II*, s. 457-470. См.: „Polin“, t. 4, s. 255-268.

⁹ J. Błoński, *Is There a Jewish School of Polish Literature?* s. 471-486. См.: „Polin“, t. 1, s. 196-211.

¹⁰ J. Błoński, *The Poor Poles Look at the Ghetto*, t. 2, s. 321-336, перепечатка из: „Tygodnik Powszechny“ от 11 января 1987 г.

¹¹ Z. Landau, *Jewish Artisans*, t. 8, s. 227-237.

¹² M.J. Rosman, *Jewish Perceptions of Insecurity and Powerlessness in Sixteenth - to - Eighteenth Century Poland*, См.: „Polin“, t. 1, s. 19-27.

например, лишь подтверждения тезису о толерантной Польше без костров: «субъективно» положение многих евреев плохое, «объективно» положение большинства хорошее. Заботившиеся о своих народах властители должны были в то время быть чуткими к потенциальным опасностям, авторы, жившие в Польше в тридцатые годы XX в., выразительно подчеркивали эти опасности XVII-XVIII веков, авторы, работающие в университетской среде американских евреев второй половины XX в., формулируют оценки с расстояния, обусловленного географией, временем и положением исследователя: они считают, что евреи были в то время в Польше скорее всего в безопасности.

Легче всего в разделе рецензий можно натолкнуться на общие рассуждения. При рассмотрении генезиса современного антисемитизма¹³ самый интересный мотив затрагивает психосоциальные аспекты капиталистической экономики, и, хотя текст рецензируемой книги касается последних двухсот лет и Западной Европы, читатель может погрузиться в ассоциации, связанные со Франкфуртской школой (Адорно), с марксистским вопросом о революционной функции слабо развитой капиталистической России или с психологией трансформации государственного устройства в Восточной Европе на рубеже XX и XXI веков.

Такие же обобщения содержит статья Томашевского под малопривлекательным для «обычного» читателя названием – «Некоторые методологические проблемы исследования истории евреев в Польше в период между двумя мировыми войнами»¹⁴. Его рассуждения пригодятся в исследовании общественной динамики и языка документов в отношениях... польско-украинских, они, по мнению автора, способствуют избеганию т. н. «простых вопросов» типа: была Польша в период между двумя мировыми войнами благоприятна для евреев или нет? Ибо Томашевски готов написать статью о том, была ли Польша в период между двумя мировыми войнами благоприятна для поляков, и указывает, что хватало в то время

¹³ Рец. (H.-D. Loewe), D. Claussen, *Grenzen der Aufklärung. Zur Gesellschaftlichen Geschichte des modernen Antisemitismus*, Frankfurt/M, Fischer Taschenbuch Verlag, 1987, s. 233; Idem, *Vom Judenhass zum Antisemitismus. Materialer einer verlegten Geschichte*, Darmstadt/Neuwied, Sammlung Luchterhand, 1987, s. 269.

¹⁴ J. Tomaszewski, *Some Methodological Problems of the Study of Jewish History in Poland Between Two World Wars*, t. 1, s. 163-175.

в Галиции крестьян, которые с умилением вспоминали времена Франца Иосифа. (Возникает ассоциация с инициаторами строительства спортзала имени Эдварда Герека.) Никто не будет отрицать существования официального межвоенного антисемитизма, но, как пишет Томашевски, не следует забывать об уравнивании евреев в правах с другими гражданами в этот период. Автор обращает при этом внимание на ловушки, подстерегающие исследователя в архивной работе, и неизбежную односторонность консульских реляций, парламентских стенограмм или газетных сообщений на тему событий, которые именно потому обычно описываются, что бывают связаны с чем-то нехорошим: люди, как правило, не жалуются чиновникам или журналистам на мягкость сборщика налогов, а высказывают жалобы на его «несправедливость». Предупреждения о непонимании статистики также носят универсальный характер, когда Томашевски напоминает, что при интерпретации количества иммигрантов необходимо учитывать социальный контекст принимающей их страны, а ведь эта методологическая директива выходит за пределы еврейской тематики и может быть применена, например, в исследованиях, посвященных польской диаспоре в других странах и вообще странам иммиграционным (Аргентина, США, Австралия, Израиль, Канада и др.), и, в частности, должна приниматься во внимание в исследованиях иммиграции на всем пространстве Европейского Союза.

* * *

Прекрасным введением в центральную проблематику «Ро-лiп» является статья о том, как меньшинство видит большинство (в дворянской Речи Посполитой)¹⁵. С одной стороны, были у нас меньшинства шотландцев и немцев, которые вступили в контакт с большинством и начали подвергаться быстрой ассимиляции. С другой – ариан, казаков, русинских (украинских) крестьян (группы, выделенные скорее по социальному, а не этническому критерию), живущих в конфликте с Государством. Евреи оказались между этими полюсами. Автор всячески отождествляет отношение к большинству с отношением к Государству, а ведь это не одно и то же, хотя именно такая постановка вопроса удачна, поскольку

¹⁵ M. J. Rosman, *Minority views the Majority: Jewish Attitudes Towards the Polish-Lithuanian Commonwealth and Interaction with Poles*, t. 4, s. 31-41.

национально сознательные поляки не составляли большинства в тогдашней Речи Посполитой, которую населяло много наций и слоев без определенного национального самосознания в современном понимании этой категории. Определение взаимоотношений всех этнических или национальных групп в разнообразных эпохи остается пока исследовательским постулатом; компаративизм является еще слабой стороной «Polin»: мало сравнения положения евреев с положением других групп, мало сравнений участи евреев в Польше и в других странах, маловато внимания уделяется внутренней дифференциации поляков и евреев – так, как если бы каждый из этих народов представлял собой неизменно единое целое и как целое должен был всегда рассматриваться¹⁶.

* * *

Ассимиляция – это для „Polin” один из центральных общественных процессов и одна из центральных тем публикаций. Добавим, самых интересных, но напомним, что „Polin” – ежегодник историков, а не социологов или антропологов. В текстах историков теоретическая рефлексия находится на втором месте, здесь не уделяется слишком много внимания концептуализации с помощью аналитических категорий. Встречаются, единожды или дважды, категории аккультурации, процесса народоформирования, интеграции, культуры, но в целом анализа нет. Лишь в одной статье появляется дефиниция аккультурации как явления, измеряемого, в частности, данными о языке из переписей населения 1882 и 1897 гг. (аккультурация как преломление через одну группу культурных образцов другой)¹⁷ и релятивизированного к процессу ассимиляции, с отнесением к различиям между рассматриваемыми процессами в понимании Мендельсона: аккультурация евреев – это преломление в их среде внешних черт культуры большинства, прежде всего языка; ассимиляция – это попытки евреев принять самосознание большинства, то есть стать поляками веры моисеевой или вообще отказаться от еврейской

¹⁶ Наиболее важные исключения: J.-P. Himka, *Dimensions of a Triangle: Polish – Ukrainian – Jewish Relations in Austrian Galicia*, t. 12, s. 25–48; T. R. Weeks, *Poles, Jews, and Russians, 1863–1914: The Death of the Ideal of Assimilation in the Kingdom of Poland*, t. 12, s. 242–256; I. Irwin-Zarecka, *Problematising the 'Jewish Problem'*, t. 4, s. 281–295.

¹⁷ S. D. Corrsin, *Aspects of Population Change and of Acculturation in Jewish Warsaw at the end of the Nineteenth Century: the censuses of 1882 and 1897*, t. 3, s. 122–139.

самоидентификации¹⁸. Категория полонизации появляется редко. В работе, на которую ссылается ежегодник, Уикс пишет об эволюции еврейской и польской позиции в отношении ассимиляции в XIX и начале XX века, но отмечает, что тогдашнее содержание понятия «ассимиляция» не является еще достаточно известным. Проблематика ассимиляции евреев в Европе лишь впоследствии стала предметом исследования¹⁹. Цитируемая книга Мендельсона вышла позднее, а фундаментальный труд Цалой – еще позже²⁰. Ее более ранний, краткий *interpretive essay* содержит категории: аккультурация, антисемитизм, ассимиляция, частичная ассимиляция (процесс частичной ассимиляции), деиудаизация, эмансипация, этноцентрический провинциализм, европеизация, германизация, национальные (польские) интересы, интеграционизм, идишизм, комплекс (польский), еврейский вопрос, христианский торговец, национализм (еврейский), поляк веры моисеевой, поляк еврейского вероисповедания, полонизация, польскость, прогрессивная позиция, русификация, сакрум, сионист, национальное (польское) самосознание, традиционалист (поляк, еврей), традиционные (культура, среда, институты, часть общества, еврей-традиционалисты и т. п.), трансформация (изменения) культурные и политические, гражданское становление, еврейскость²¹. Достаточно? А все же трудно показать драму ассимиляции. Не только историку. Блоньски пишет о Юлиане Стрыйковском, который ставил своих героев перед необходимостью выбора: сионизм или ассимиляция? И среди кого ассимилироваться? Среди поляков? А может быть, среди австрийцев? И не поздно ли уже? Не трудно ли это? Ассимиляция бывала предательством, но верность своей нации часто ограничивала возможности. Вороша эти дилеммы, автор «Голосов в темноте» дал нам документ времени и среды²².

¹⁸ Ibid., E. Mendelsohn, *The Jews of East Central Europe between the World Wars*, Bloomington, Indiana, 1983, s. 2.

¹⁹ J. Katz, *Wyjście z getta: Społeczne tło emancypacji Żydów, 1770-1870*, Cambridge, Mass. 1973.

²⁰ A. Cała, *Asymilacja Żydów w Królestwie Polskim 1864-1897: Postawy, konflikty, stereotypy*, Warszawa 1989.

²¹ Idem, *The Question of the Assimilation of Jews in the Polish Kingdom (1864-1897): An Interpretative Essay*, t.1. s. 130-150.

²² J. Błoński, „Tygodnik Powszechny”, 18 lutego 2001.

Эволюция статуса еврея становится заметна лишь в XIX в. В результате краковского восстания 1846 года евреи получили там права гражданства²³. Правда, краковская газета «Третье мая» вскоре напишет, что ни одна страна не может мириться с существованием народа внутри народа, отдельного состояния внутри группового – если же «израэлиты» хотят иметь польское гражданство, пусть станут поляками веры моисеевой, но пусть перестанут быть «израэлитами»²⁴ – именно сформулированное таким образом требование ассимиляции создавало общественные ограничения в применении закона, но это был постулат части общественного мнения, а не требование закона, и одновременно это было условное одобрение ассимиляции евреев как таковой, хотя в большинстве своем поляки и немцы против ассимиляции евреев возражали²⁵. В то же время гораздо более раннее уравнивание евреев в правах с другими гражданами, содержащееся в наполеоновской конституции Варшавского княжества, не вошло в жизнь равно как по причине полного общественного неодобрения, так и вследствие вводимых затем постепенно правовых ограничений²⁶. Обретение независимости (1918) принесло уравнивание в правах, хотя после майского покушения 1926 г. началось ограничение прав евреев²⁷.

В современной Польше существует, конечно, равенство граждан перед законом, но можно еще столкнуться с мнением, отказывающим в польскости полякам еврейского происхождения чаще, чем полякам происхождения немецкого или украинского, и даже отрицающим возможность ассимиляции евреев вообще. Не будем здесь утверждать, что национальность предков не имеет значения, что различия, из этого вытекающие, ничего не значат, напоминаем лишь, что эти различия не означают того, что внушают людям расисты. Современный антисемитизм возникает не столько из антииудаизма, как в средневековье, сколько прежде всего из расизма.

²³ S. Magid, 'A Thread of Blue': Rabbi Gershon Henoh Leiner of Radzyc and his Search for Continuity in Response to Modernity, t. 3, s. 31–52.

²⁴ „Trzeci Maja”, 12 сентября 1846 г., цит по: Magid, op. cit., s. 36.

²⁵ J. Holzer, *Enlightenment, Assimilation, and Modern Identity: The Jewish Élite in Galicia*, t. 12, s. 79–85.

²⁶ S. Kieniewicz, *The Jews of Warsaw, Polish Society and the Partitioning Powers 1795–1861*, t. 3, s. 102–121.

²⁷ J. Tomaszewski, *The Civil Rights of Jews in Poland, 1918–1930*, t. 8, s. 115–128.

Сомнение в польскости проявляется в отношении некоторых хорошо известных лиц с несомненно польским национальным самосознанием и в принципе лишенных существенных связей с еврейской культурой (религия, язык). Парадоксально: неприятие направлено подчас против людей с большими заслугами перед Польшей. Экстремистское отрицание является составляющей антисемитизма, который ударяет не только в польских евреев (которых уже почти нет) и поляков еврейского происхождения, но и в поляков исконных (многие ли из нас, впрочем, в состоянии добраться до четвертого или пятого поколения вспять и проверить национальность предков?), ибо расизм унижает всех.

* * *

Один из величайших польских историков считал, что «только великий писатель может передать атмосферу гетто, не историк»²⁸. Это постулат. Литература сегодня может служить прежде всего источником реконструкции социальных образов еврея и поляка в XIX веке и веке XX до начала Второй мировой войны.

В более раннюю эпоху, в XVI-XVIII вв., художественная литература на польском языке с этой точки зрения является источником бедным, образ еврея можно реконструировать почти исключительно на основе текстов иного рода. „Polin” помещает сокращенную версию немецкоязычной статьи Тазбира об образе еврея в дворянской Речи Посполитой. Автор утверждает, что этот образ, являясь негативным стереотипом, был в течение того долгого времени стабильным, ибо Костел пересмотрел свое отношение к старшим братьям по вере лишь в конце XX в., многолюдные центры еврейских поселений плохо воспринимались поляками, а шляхта была скорее пассивна, и не существовало проекта урегулирования равноправного статуса евреев. Единственным элементом, подвергнувшимся изменению в этом статическом образе, являлась утрата в XVIII в. прежней надежды католиков и протестантов на скорую ассимиляцию евреев путем изменения вероисповедания²⁹.

Со временем художественная литература становится важным зеркалом общественных отношений и средством их фор-

²⁸ Marian Malowist on History and Historians, t. 13, s. 337, перевод беседы с Маловистом, опубликованной в „Estudios Latinoamericanos”, t. 12, 1989, s. 13-39, там же примечания; оригинальная версия беседы (польскоязычная) в “Res Publica”, 7/1988, s. 43-51.

²⁹ J. Tazbir, *Images of the Jew in the Polish Commonwealth*, t. 4, s. 18-30.

мирования. Инглот остановился на образе еврея в польской литературе эпохи Романтизма. Из его статьи следует, что проза оперировала негативным стереотипом, но с момента появления *Янкеля* (1834) Адама Мицкевича образ в общем становится положительным; представляется, что вообще поэзия изображала еврея более благожелательно, чем иные роды художественной литературы (sic)³⁰. Целью обобщения руководствовалась Магдалена Опальски, когда писала об изменениях в восприятии еврея в польской литературе с середины XIX до начала XX века³¹. Автор обращает внимание на разнообразие восприятий, вытекающее из многонаправленности и разнообразия общественных условий эпохи великих перемен. У читателя может возникнуть мысль, что литература таким образом подвергала сомнению функционирующий вне ее монолитный и негативный стереотип чужого. Однако в том же томе Гольчевски выразительно пишет об антисемитской литературе в Польше того же периода. Впрочем, очевидно, что антисемитизм должен был быть значительным, поскольку заметное в источниках отношение к т. н. еврейскому вопросу разделяло позитивистов и консерваторов второй половины XIX века. Гольчевски противопоставляется тезису, что существование антисемитизма в Польше (но не «польского антисемитизма» – такой подход автор отвергает) невозможно удовлетворительным образом объяснить указанием на внешнее влияние (напр., российские погромы, западные расистские доктрины или даже полемику между немецкими историками). Важную роль он отводит периодическому изданию „*Rola*“, издаваемому Яном Еленьским. Поэтому речь идет не о художественной литературе, а о публицистике, не о прозаиках или поэтах, а о публицистах, называемых иногда мыслителями (?), таких, как тот же Еленьски, Теодор Еске-Хоиньски или Константы Вздутьски, которые должны были вскоре усилить более широкое течение «эндэков». Гольчевски пишет, что, хотя «рольцы» не были главными политиками или публицистами в Польше, их взгляды представляли собой существенную часть польской политической мысли³².

Немало материала для исследования образа еврея в новейшей прозе. В ежегоднике мы встречаем статьи о Юлиане Стрыйковском³³, Исааке Зингере³⁴, Генрихе Гринберге³⁵, Адольфе

³⁰ M. Inglot, *The Image of the Jew in Polish Narrative Prose of the Romantic Period*, t. 2. s. 189-218.

Рудницком³⁶. Публикации „Polin'a" не позволяют установить, в какой мере здесь идет речь об образе уничтоженного еврея, а в какой – о литературной интерпретации образа, лично воспринимаемого авторами, а может быть мы имеем у этих авторов дело со сплетением исторического писательства и беллетризованных документальных описаний.

Совсем иного рода (чем проблема образа еврея) вопрос, сформировалась ли в польской литературе еврейская школа, как это определяет Блоньски (т. 1). Истоки этого направления можно обнаружить в предвоенной Польше. Холокост положил ему конец, ибо убил еврейский мир. Блоньски обращает внимание на парадокс, что после войны фигура еврея становится в польской литературе гораздо более выразительной.

Иную «литературную» тему поднимает Шмерук, представляя Варшаву в качестве центра писателей, пишущих на языке идиш, который существовал в течение около 40 лет до Холокоста, подчеркивая большую и непреходящую ценность достижений этого центра³⁷.

Об образе поляка в еврейской литературе пишет Барталь. Он изучал тексты на иврите и идише периода 1856-1914 гг. с точки зрения отношения авторов к неевреям и нееврейской среде. Исследовал это в трех аспектах: образ не-еврея как литературная проблема, образ не-еврея и его среды как антрополого-социологическая проблема, а также форма выражения образа не-еврея и его среды как историческая проблема. Речь идет обычно о русском человеке и русском обществе, а также поляке и польском обществе во второй половине XIX в.³⁸ Никакой пересказ не заменит перевода этой работы на польский язык. Не случайно она появилась в

³¹ M. Opalski, *Trends in the Literary Perception of Jews in Modern Polish Fiction*, t. 4, s. 70-86.

³² F. Golczewski, *Anti-Semitic Literature in Poland before First World War*, t. 4, s. 87-97.

³³ L. Quercioli Mincer, *Voice from the Diaspora: Julian Strykowski*, t. 5, s. 273-287.

³⁴ M. Adamczyk-Garbowska, *Poles and Poland in Izaak B. Singer's Fiction*, t. 5, s. 288-302.

³⁵ Idem, *Henryk Grynberg Calls Poland to Account*, t. 7, s. 176-191.

³⁶ J. Wrybel, *Jewish Martyrdom in the Works of Adolf Rudnicki*, t. 11, s. 247-262.

³⁷ C. Shmeruk, *Aspects of the History of Warsaw as a Yidish Literary Centre*, t. 3, s. 142-155.

³⁸ I. Bartal, *Non-Jews and Gentile Society in East European Hebrew and Yidish Literature 1856-1914*, t. 4, s. 53-69.

вышеупомянутом томе «От штетл до социализма». Барталь приводит слова автора одного из исследованных им текстов на идиш: «Это не я привел к разделам Польши, вызванным внутренними интригами и жадой материальных благ. Это не я посадил чужих правителей на польский трон... Это не я привез современный гражданский кодекс из Парижа. Это не я принял религию и иезуитов из Рима. Это не я тянул с освобождением крестьян так долго, что оно должно было прийти из Петербурга. Уважаемый шляхтич, эта культура, со всеми ее достоинствами и ошибками, – твоя [...] с грустью говорю, что в той Польше, которая является твоей, не только мне, работающему и торгующему в городе, но и крестьянину, пашущему и сеющему, нет места! Нет места в той именно культуре, которую ты создал с помощью чужой идеологии и законов, также людям, которые чувствуют и действуют человеческим, а не аристократическим образом. Знаю и то, что в Польше, которая будет, найдется место и для интеллигента, и для крестьянина, и для меня»³⁹.

Об образе поляка в прозе Исаака Б. Зингера пишет Адамчик-Гарбовска. Зингер положительно описывает поляк и польский пейзаж (Билгорай и Варшава). Хотя писатель и является мистиком, пишет автор, он не мистифицирует польско-еврейские отношения. «Он не демонизирует польский антисемитизм, представляя его вместе с другими «измами», которые, по мнению Зингера, также являются опасными и неотделимыми сторонами человеческой природы, интерпретируемыми им как постоянная жажда власти, т. е. «сущность истории человечества. Сегодня поляки угнетают евреев, вчера русские и немцы угнетали поляков... Даже в якобы добрых людях таится зло. Вчерашние мученики становятся порой сегодняшними гонителями»⁴⁰.

К польскому шляхтичу Зингер относится отрицательно. Адамчик-Гарбовска пишет в той же статье: «(...) стереотип [шляхтича] имеет свой богатый источник в идишеязычной литературной традиции, в которой польский 'порец' является обычно фигурой отрицательной или по меньшей мере далеко не однозначной, представляемой зачастую как наглец, человек вспыльчивого характера, фигура бездумная, личность, отдаю-

³⁹ Ibidem, s. 68–69, автор цитируемого текста 1911 г. – Ицхак Лейбух Перец; здесь в переводе с английского языка.

⁴⁰ Op. cit., s. 289.

щаяся еде и питью. Стоит вкратце сравнить это с образом шляхтича в польской литературе. В целом вспыльчивость и дерзость представлены как отвага и гордость, бездумность как идеализм, а если уж речь идет о пьянстве и обжорстве, то обычно в комическом ключе. Однако в некоторых произведениях левой направленности, пан (шляхтич) имеет черты, заставляющие вспомнить стереотип [шляхтича] из литературы на идиш»⁴¹.

* * *

Драматизм взаимоотношений между поляками и евреями состоял и в том, что одна сторона порой не отдавала себе отчет в элементарных чувствах другой и ранила их беспрестанно, – это касается маюфесов. Термин происходит из «Песни песней» и от названия ритуального пения семьи, собравшейся на субботний ужин. Однако самое позднее со второй половины XVIII в. маюфес означает соединение текста, мелодии, танца, жестикуляции и мимики в импровизированном показе, к которому польский пан вынуждает еврея. Для тогдашнего поляка это комично, для еврея – унижение. Эта форма высмеивания еврея проникла в сознание масс в XIX в. Сколько поляков знает сегодня хотя бы сам термин? Евреи, однако, будут помнить об этом долго, очень долго. Трудно найти какое-нибудь соответствие этому в обращении с поляками, даже со стороны самых злейших врагов. Данное определение вошло в политический словарь в Израиле и еврейской диаспоре, но маюфесы сегодня – это уже «только» синоним угодливого оппортунизма.

О маюфесах пишет Шмерук⁴². Но не пишет о том, что, кто не любит *Polish jokes*⁴³, должен подумать о шмонцесах⁴⁴.

* * *

Несмотря на то, что „Polin“ занимается щекотливой и малоисследованной проблематикой, страницы этого ежегодника нисколько не переполнены полемикой. Предметом одной из дискуссий являются взаимоотношения Дмовского и Намера. «Роман Дмовски был противоположностью Льюиса Намера;

⁴¹ Ibidem.

⁴² Ch. Shmeruk, *Mayufes: A Window on Polish-Jewish Relations*, t. 10, s. 273–286.

⁴³ Польские анекдоты в США [Примеч. переводчика].

⁴⁴ Еврейские анекдоты в Польше [Примеч. переводчика].

по убеждениям Дмовски был архетипом антисемита, в то время как Намер – заядлым сионистом. Не случайно поэтому оба этих человека испытывали друг к другу одно и то же чувство отвращения. Намер писал с типичным для него намеренным утрированием: «Мной не руководит никакой личный сангитмент по отношению к Дмовскому и всей его польской банде черносотенцев». Несколько менее изысканно выражался Дмовски, называя Намера «галицийским жидком». Во время Первой мировой войны пути этих людей пересеклись в Лондоне, где они были вовлечены в дискуссию вокруг польского вопроса, ведя между собой грубую полемику, касающуюся их представления о будущем Польши. С 1916 г. оба вели острую и очень личную борьбу с целью дискредитации взглядов оппонента на польский вопрос в глазах истеблишмента британской внешней политики. В этом поединке за позицию авторитета, оказывающего значительное влияние, каждый из них раскрыл свой характер как поразительную дихотомию несомненного блеска ума и подозрительных атрибутов»⁴⁵. Надо заметить, что Намер работал в то время в *Foreign Office* и со временем стал одним из самых выдающихся английских историков. Однако мы хотели бы остановиться на полемике в „*Polin*” между Лятавским (английский эксперт по польским и восточноевропейским делам) и Гертыхом (политик и публицист эмиграции) по вопросу оценки роли Дмовского, а также интерпретации источников работы Лятавского. Эта полемика хорошо показывает проблемы, с которыми сталкиваются политик-публицист и эксперт, когда стремятся изложить друг другу свои позиции. Их отличает не столько возможность доступа к источникам, сколько использование данных из этих источников, а следовательно, методология, и поэтому результаты различного понимания. „*Polin*” дает в этом случае ценный сравнительный материал современным политикам и дипломатам⁴⁶.

* * *

Конечно, объектом внимания авторов „*Polin*” стала также еврейская пресса – по-польски и на языке идиш – так же, как и еврейские мотивы в католической печати. Обсуждение еврейской прессы имеет фундаментальное значение для изображе-

⁴⁵ P. Latawski, *The Dmowski – Namier Feud, 1915-1918*, t. 2, s. 37-49.

⁴⁶ *Letter from Jędrzej Giertych to the Editor of „Polin”*, Oxford, Extracts, t. 5, s. 303-310.
P. Latawski, *The Dmowski – Namier Feud: A Reply to Giertych*, t. 5, s. 111-126.

ния жизни евреев в Польше. Об этом пишет, прежде всего, Пачковски. Будучи автором серьезных монографий по истории печати в Польше, он показывает еврейскую прессу в ее разнородности, обусловленности, функциях⁴⁷.

Ландау-Чайка же анализирует католическую печать⁴⁸. Вадовицкий «Календарь царицы апостолов» (*Kalendarz królowej apostołów*, 1927) поместил слова песни «Боже, который Польшу...» (*Boże coś Polskę*) с припевом: «Избавь нашу Польшу от евреев, Господи»⁴⁹, а католические публицисты в подавляющем большинстве показывали свое отрицательное отношение к евреям, представляли поляков-католиков и евреев как два враждебных лагеря, предсказывали борьбу между христианской и еврейской общественностью, свою публицистику рассматривали как защиту Польши от еврейской опасности, в евреях видели силу разрушительную, от которой следует избавиться. Используя заголовок статьи Салия⁵⁰, автор подсказывает оценку такой позиции: это антихристианское обличье антисемитизма.

Стереотипизации, общей для поляков и евреев, подвергалась социальная роль женщины. Статья Штампфера касается образования евреек в Восточной Европе XIX в.⁵¹ Мужчина должен был работать и изучать Тору. От женщины требовалась работа, а не изучение Торы, поэтому у нее было время для чтения, и она это делала с чистой совестью человека, удовлетворяющего свой интерес к миру. Данные конца XIX в. показывают, что 36 % женщин в возрасте 10-19 лет, живших в городах европейской части России (включая территорию раздела Польши), умели тогда писать и читать по-русски (и 24 % таких женщин в сельской местности). В то же время в Варшаве писать и читать на идиш – на своем родном языке – умели 38,4 % евреек в возрасте более 9 лет⁵². Грамотность была в Варшаве значительно выше, если учитывать факт увеличивающегося в

⁴⁷ A. Paczkowski, *The Jewish Press in the Political Life of the Second Republic*, t. 8, s. 176-193.

⁴⁸ A. Landau-Czajka, *The Image of the Jew in the Catholic Press during the Second Republic*, t. 8, s. 146-175; Idem, *The Jewish Question in Poland: Views Expressed in the Catholic Press between the Two World Wars*, t. 11, s. 263-278.

⁴⁹ Idem, *The Jewish Question...*, op. cit., s. 263.

⁵⁰ J. Salij, SJ, *Antychrześcijańska postać antysemityzmu*, „W drodze”, nr 1-2, 1986, s. 70.

⁵¹ S. Stampfer, *Gender Differentiation and Education of the Jewish Woman in Nineteenth-Century Eastern Europe*, t. 7, s. 63-87.

⁵² S. D. Corrsin, 'The City of Illiterates'? *Levels of Literacy among Poles and Jews in Warsaw, 1882-1914*, t. 12, s. 221-241.

России количества школ (это усиливает процесс распространения грамотности среди молодежи), а также то, что более десятка процентов лиц, исповедовавших иудаизм, декларировали в Варшаве в качестве первого языка русский, польский или немецкий. Интерпретационные трудности в этой области столь же велики, как в случае исследований ремесленничества⁵³, а эти исследования имеют большое значение для изучения истории Польши. Знакомству с этой историей людей, не сталкивающихся с польскоязычной историографией, служат статьи авторов, представляющих тезисы своих книг. Такую роль выполняет, например, текст Вапиньского об отношении «эндэков» к еврейскому вопросу⁵⁴, подобно вышеупомянутым статьям Цалой, Ландау, Пачковского, Томашевского и других.

* * *

Чего ни коснешься в польско-еврейских отношениях, сталкиваешься с драмой. Особенно велика она в случае судьбы еврейских детей во время войны⁵⁵. Статьи Ключовского и Курек-Лесик описывают спасение детей польскими монастырями. Ключовский оценивает численность спасенных детей в несколько тысяч, взрослых – в несколько сотен. Курек-Лесик, пишущая только о женских монастырях (среди по меньшей мере 189 участвовавших в спасении 173 находилось в Генеральном Губернаторстве, из них 64 в Варшаве и окрестностях), оперирует цифрой «по меньшей мере 1500» детей⁵⁶. Дело не сводится к цифрам. Как же совсем иначе, чем потом, представлялась в самом начале войны проблема – забирать детей в гетто или отдавать под опеку католических монахинь! В свою очередь, монахини, согласно своим убеждениям, спасали жизнь детей, но от других принципов своей религии также не собирались отказываться. Воспоминания женщины, спасенной в детстве монахиней, дает некоторое представление о поиске ответов на трудные вопросы⁵⁷.

⁵³ См. прим. 11.

⁵⁴ R. Wapiński, *The 'Endecja' and the Jewish Question*, t. 12, s. 271–283.

⁵⁵ J. Kłoczowski, *The Religious Orders and the Jews in Nazi-Occupied Poland*, t. 3, s. 238–243.

⁵⁶ E. Kurek-Lesik, *The Conditions of Admittance and the Social Background of Jewish Children Saved by Women's Religious Orders in Poland 1939 – 1945*, t. 3, s. 244–275.

⁵⁷ A. Clarke, *Sister Wanda*, t. 7, s. 253–259.

* * *

Больше для спасения евреев могло сделать польское правительство. Много уже написано о Яне Карском и распространении информации об уничтожении гитлеровцами людей в Польше. Вассерштейн пишет о польском влиянии на британскую политику в отношении евреев в 1939-1945 гг., но выдвигает тезис о том, что это было, к сожалению, влияние негативное. Предвоенная польская политика поддержки еврейской эмиграции пришла в противоречие с британским ограничением еврейской иммиграции в Палестину, а поскольку польское правительство не пересмотрело эту линию, все его аргументы в пользу спасения евреев означали для британцев поддержку угрозы наплыва евреев из Польши на британскую территорию мандата Лиги Наций. Британцы боялись даже небольшой группы евреев в армии Андерса на Ближнем Востоке. Их беспокоил также призрак польско-сионистского союза, ибо как польское правительство, так и сионисты желали эмиграции евреев из Польши. Чиновники Foreign Office выдвигали также аргумент о том, что, поскольку поляки не выносят евреев, оказание британской помощи евреям обернет польское общественное мнение – не без участия гитлеровской пропаганды – против Лондона. Иными словами, ситуация в Польше была неблагоприятна для британского участия в помощи евреям⁵⁸. Автор показал, как внутренние отношения влияют на внешнюю политику⁵⁹.

Кочави продолжает исследования, опубликованные в книге Вассерштейна⁶⁰, рассказывая о массовом исходе евреев из послевоенной Польши⁶¹. Эта тематика имеет значение для понимания истории государства Израиль не меньшее, чем для понимания истории Польши, не говоря уж о проблеме евреев в Польше. И снова – внутренние отношения стимулировали исход: автор обращает внимание на системные ограничения в отношении религиозных организаций и хозяйственной иници-

⁵⁸ B. Wasserstein, *Polish Influences on British Policy Regarding Jewish rescuing Efforts in Poland 1939-1945*, t. 11, s. 183-191.

⁵⁹ Por. D. Engel, *The Polish Government-in-Exile and the Holocaust: Stanisław Kot's Confrontation with Palestinian Jewry, November 1942 - January 1943 - Selected Documents*, t. 4, s. 269-309.

⁶⁰ Статья Вассерштейна в т. 11 была написана на основе более ранней книги того же автора *Britain and the Jews of Europe 1939-1945*, London 1979.

⁶¹ A. J. Kochavi, *Britain and the Jewish Exodus from Poland Following the Second World War*, t. 7, s. 161-175.

циативы, а также на негативное восприятие населением возвращения евреев в качестве владельцев квартир и т. п., на келецкий погром и антисемитские эксцессы в других местах. К эмиграции подталкивали также сионисты, слишком слабо организованные, чтобы сыграть решающую роль, но активность эмиссаров, провозглашающих сионистские лозунги, была тогда ясно отмечена. Постулат поселения в Палестине был именно тем, чего больше всего не желали британцы. Foreign Office считало, что даже келецкая резня не была достаточна для того, чтобы вызвать эмиграцию десятков тысяч человек, если бы исход не был частью операции, направленной на изменение политической ситуации в Палестине. Их утверждала в этом убеждении политика польского правительства, которое сделало возможной массовую эмиграцию до такой степени, что польские пограничные власти не требовали даже предъявления какого бы то ни было документа. Такая операция, как считал британский посол в Варшаве, не была бы возможна без решения Москвы. Границу с Чехословакией и советской оккупационной зоной в Германии закрыли в феврале 1947 г., но британцы не могли на это повлиять; группа, правившая Польшей, боролась с оппозицией Миколайчика, ассоциировавшейся с официальным Лондоном, и никаких британских интересов не собиралась учитывать, скорее наоборот.

Благодаря „Polin“ можно проследить, с какими событиями и проблемами связана история евреев в Польше 1945-1947 гг.: взаимоотношения между поляками и евреями в конкретных местах Польши, миграция (включая репатриацию) евреев из СССР в Польшу, системная трансформация в послевоенной Польше, борьба ПРП за стабилизацию своей власти, зависимость польских властей от Москвы, польско-британские отношения, раздел Германии, конфликт с евреями в Палестине, арабо-еврейские стычки там же, британско-американские отношения в связи с ситуацией в Палестине и т. п. Этот список можно продолжить, задавая вопрос хотя бы о связи между тогдашней позицией Москвы и Варшавы в отношении польских евреев и формированием армии будущего государства Израиль.

Послевоенный период для историков является слишком свежим. Обсуждаемая выше статья Кочави опирается на часть уже доступных архивных источников. Проявления антисеми-

тизма нашли отражение в посвященных им статьях Илицкого, Махцевича⁶², Медуцкого⁶³. Здесь много описаний, но по-прежнему «антисемитизм остается для нас проблемой таинственной и постоянно возвращающейся»⁶⁴.

* * *

Попытку определения контекстов появления «еврейского вопроса» в послевоенный период мы находим в очерке историков Керстен и Шапиро⁶⁵. Авторы пробуют показать социальную динамику отношений между поляками и евреями в Польше и подчеркивают фундаментальное значение правды как категории аналитической. Это можно понимать как реализацию методологической директивы, требующей от историка показать, «как было на самом деле», распространенной в польской историографии. Можно брезговать традиционализмом этого подхода, но с точки зрения необходимости сбора источников он может еще много принести полезного.

Несколько иначе понимает «еврейский вопрос» социолог Ирвин-Зарэцка. «Еврейский вопрос» является результатом исторически изменчивой негативной позиции поляка в отношении к еврею. «Пока евреи как люди и как нация не будут восприниматься поляками как 'нормальные' (и поэтому равные полякам), Польша имеет небольшие шансы на то, чтобы справиться с наследием прошлого»⁶⁶. Из рассуждений автора следует, таким образом, извлечь вывод о том, что мы имеем дело скорее с «польским вопросом».

Комментаторы часто и громко выражают удивление, что, хотя евреев в Польше уже почти нет, антисемитизм в Польше существует. Неужели они не знают, что изменения в общественном сознании зависят не только от изменения первоначальной обусловленности конкретного состояния сознания? Во всяком случае, знания этого к оценке состояния общественного сознания в Польше они не применяют.

Ныне проблема, касающаяся евреев в мире (в отличие от «еврейского вопроса»), может быть связана с новыми явления-

⁶² P. Machciewicz, *Antisemitism in Poland in 1956*, t. 9, s. 170–183.

⁶³ S. Meducki, *The Pogrom in Kielce on 4 July 1946*, t. 9, s. 158–169.

⁶⁴ A. Cała, *Analysis of World Antisemitism Published between 1991 and 1997*, t. 13, s. 418–424.

⁶⁵ Op. cit.

⁶⁶ Op. cit., s. 290.

ми, определяющими их сознание. Прежде всего с Холокостом. Учитывая уникальность Холокоста, можно поставить вопрос: является ли он определителем еврейской самоидентификации, стимулом, интегрирующим евреев сильнее других факторов, как в процессе Холокоста, так и в более позднюю эпоху? Если бы это было так, это представляло бы собой нечто небывалое в новейший период. Наверное, уже ни один народ сегодня не детерминирован так явно одним событием. Если, однако, согласиться, что самоидентификация евреев определялась прежде всего Холокостом, кем тогда был еврей в Холокосте? Категории жертвы недостаточно, ибо жертвами нацизма были не только евреи. Недостаточно религии, так как перед лицом Холокоста не все удержались в вере. Мы знаем, что недостаточно и языка. Недостаточны даже нюрнбергские постановления, хотя бы по причине очевидной их неприменимости к состоянию сознания многих жертв. Уэббер выдвигает тезис, что для определения еврейской идентификации в Холокосте репрезентативной категорией является мученичество⁶⁷.

Для нас, воспитанных в католической традиции, мученичество ассоциируется сразу со смертью за веру или христианские принципы, более того, с теологической традицией (католической) отношения к мученичеству как к акту спасения наравне с крещением («крещение кровью») и т. п. Уэббер также ставит вопрос о связи с христианской традицией, но для того, чтобы напомнить, что у евреев нет мучеников-святых, в связи с чем употребление термина «мученик» (по-английски *martyr*, Уэббер пишет по-английски) является для религиозного еврея культурологическим искажением (Уэббер предлагает древнееврейский термин «кидуш хашем» как термин верный, хотя переводит его, однако, на английский как *martyr*), а для нерелигиозного использование этой категории является попыткой помещения еврейского опыта в мир понятий нееврейских и, тем самым, действием, направленным на придание этому опыту смысла внееврейского. В действительности, пишет Уэббер, «кидуш хашем» – это «освящение имени Божьего, с тем чтобы Богом наполнить мир и этим достичь Божьей цели, для которой был создан род людской». Возможно, таким образом Уэббер ближе к христианской традиции, чем ей кажется, ибо мученичество для католика есть проявление милости освя-

⁶⁷ J. Webber, *Jewish Identities in the Holocaust: Martyrdom as a representative Category*, t. 13, s. 128-146.

щающей, т. е. присутствия Бога в человеке. Это совпадение не должно рассматриваться как парадокс, если понимать истоки теологии Иоанна Павла II и его слова о старших братьях по вере.

Невозможно здесь вполне пересказать выводы Уэббер о поведении евреев в эпоху Холокоста и о разных функциях категории мученичества в различных группах евреев сегодня. Размышления над проблемой выбора не представляются завершенными. Мучениками не становятся по принуждению. А когда нет выбора, нет и мученичества. Более убедителен ее анализ, ведущий к выводу, что не существует единого взгляда на Холокост, как и единого понимания мученичества. Следует, однако, особенно подчеркнуть те аспекты ее размышлений, которые представляются наиболее важным проявлением истинной функции „Polin“ в области формирования общего понимания смысла жизни евреями и неевреями.

* * *

Адам Мицкевич писал в период Весны Народов, что независимость Польши связана с освобождением евреев, с уравнением их в правах. Сегодня, когда преобразование нашей общественной жизни является частью революционных изменений принципов сотрудничества европейцев, успех наших национальных усилий в деле интеграции в Европе связан с преодолением в нас остатков прежней отчужденности, в том числе отчужденности поляков и евреев; нам нужно пересмотреть наше собственное отношение к людям другой культуры, национальности, религии. И речь здесь идет не только об отчужденности. Не будучи в состоянии противостоять подавлявшим нас империализмам Германии и России, мы компенсировали наше отчаяние агрессией в отношении национальных меньшинств. Теперь, однако, уже независимая Польша начала новую эпоху и по-новому должна посмотреть на свое прошлое, по-новому оценить хорошее и плохое в нашей истории. Едвабнэ показывает, каким огромным, но необходимым является этот труд. (10 июля 2001 г.)

Рышард Стемпловски, Ирена Стемпловска

С польского перевел М. Гульчин
(Перевод не авторизованный)